

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ

Tomsk State University Journal
of Philosophy, Sociology and Political Science

Научный журнал

2012

№ 1 (17)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-30316 от 19 ноября 2007 г.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор серии «Философия. Социология. Политология» – В.А. Су-
ровцев, доктор философских наук, профессор, Томский государственный
университет; зам. главного редактора, редактор выпуска – А.Ю. Рыкун, док-
тор социологических наук, заведующий кафедрой социальной работы, Том-
ский государственный университет; Харли, С. Балцер, профессор Джорджа-
таунского университета (г. Вашингтон, США); Е.С. Баразгова, доктор фило-
софских наук, профессор (Уральская академия государственной службы,
г. Екатеринбург); А.А. Быков, кандидат исторических наук, доцент, Томский
государственный университет; Н.Д. Вавилина, доктор социол. наук, ректор
Нового сибирского университета (г. Новосибирск); В.С. Диев, доктор филос.
наук, профессор, Новосибирский государственный университет; Д.Л. Кон-
стантиновский, доктор социол. наук, заведующий сектором социологии об-
разования Института социологии РАН (г. Москва); П.В. Романов, доктор
социологических наук, профессор, Государственный университет – Высшая
школа экономики (г. Москва); В.Н. Сыров, доктор философских наук, про-
фессор, заведующий кафедрой онтологии, теории познания и социальной
философии, Томский государственный университет; А.И. Щербинин, доктор
политологических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии,
Томский государственный университет; К.М. Южанинов, кандидат фило-
софских наук, доцент, Томский государственный университет; Е.Р. Ярская-
Смирнова, доктор социологических наук, профессор, Государственный уни-
верситет – Высшая школа экономики (г. Москва).

УДК 316.354:351/354

С.В. Пирогов**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ГОРОДА**

Сущность управления развитием города может пониматься по-разному. Существуют две основные причины такой ситуации. Причина первая – наличие различных парадигмальных способов понимания города. Причина вторая – многоаспектность городской жизни. В статье заданы парадигмальные рамки моделирования явлений городской жизни. В рамках парадигм выделены и описаны двенадцать моделей города. Указаны основные проблемы управления для каждой модели.

Ключевые слова: концепции города, модели города, управление городом.

Парадигмальные рамки моделирования явлений городской жизни

Управление территориальным и пространственным развитием российского общества в последнее время всё чаще связывают с городами как точками роста, с урбанистическими ресурсами и механизмами развития. В литературе о городе давно отмечено, что атрибутивными характеристиками городской среды, её главными отличительными чертами в сравнении с другими видами сред являются инновационность и проективность. В то же время исследователи городской жизни давно столкнулись с ситуацией сложной, гетерогенной (состоящей из различных по своим свойствам элементов), изменчивой, индивидуальной городской средой. Город как реальность – это континуум разнородных по своей природе явлений и процессов, но это всегда некоторый порядок. При всей своей разнообразности и качественной индивидуальности различных городов городская жизнь содержит инвариантные черты и характеристики, что даёт основание говорить о городе как особой социокультурной системе, о специфических характеристиках городского образа жизни. Об этом достаточно убедительно и содержательно писали М. Вебер, Г. Зиммель, представители Чикагской школы социальной экологии. И продолжают писать современные исследователи.

Современные многочисленные дискуссии о перспективных формах и способах развития города привели к появлению множества моделей городского развития. Стратегическая цель моделирования города понимается как поиск эффективных и оптимальных методов и средств управления процессами, происходящими с городами и в городах. Эта стратегическая цель предполагает выработку ясных критериев сравнения частных моделей города как тактических способов совершенствования урбанистических форм организации социума. «О развитии города говорят все или почти все. Однако даже если все одинаково бы понимали существо развития (чего, разумеется, нет и в помине), неизбежно остается качественное различие способов понимания самого города» [1]. Гетерогенная природа явлений городской жизни предполагает разработку различных способов организации знаний о городе,

использование разных методологических средств их познания, что пока недостаточно отражено в эпистемологии города. Поэтому сравнительный анализ способов построения знания о городе – насущная методологическая проблема городских исследований. Интенсивные дебаты о формах городских изменений должны сопровождаться методологической рефлексией над основаниями и эвристическими возможностями используемых моделей городской жизни. «Решение задачи по построению рабочего образа города во многом зависит от того, в каких системах координат исследуется его морфология, какие методологические принципы кладутся в основание его описания» [2].

Исходное и наиболее общее понимание модели – способ представленности некоторой реальности в сознании познающего. Мы исходим из того, что частные модели городской жизни формируются в рамках парадигм и представляют собой способ упорядочивания тех эмпирических данных, которые релевантны той или иной парадигме. То, что когнитивные модели как логико-семантические конструкции реальности возникают в рамках парадигм, демонстрируется в работе И.Ф. Девятко, которая пишет, что даже очень специальные вопросы, касающиеся, например, техник измерения или сбора данных, не могут быть решены без обращения к более общим представлениям о природе доступных социологу эмпирических показателей и о нормативных критериях, используемых в процессе обоснования истинности и достоверности нового знания [3]. Таким образом, парадигма конституирует язык модели как систему понятий.

Методологическим основанием стратегий построения моделей городской жизни являются две группы методов как два различных эпистемологических горизонта познания: позитивизм и герменевтика. Позитивистская стратегия изучения города заключается в описании явлений городской жизни и объяснении урбанистических процессов на основе генерализующего метода. Герменевтическая стратегия изучения города включает в себя интерпретацию значений предметов и фрагментов городской жизни с позиции различных городских сообществ, понимание процессов определения ситуации, конструирование смысла действия. Позитивистские модели основываются на допущении, что имеется «естественный порядок вне», существующий независимо от человеческих перцепций. «Противоположностью этим допущениям и стратегиям построения теории являются взгляды этнометодологов, которые ставят под вопрос релевантность этих занятий. ... То, что наиболее поддается наблюдению и отсюда является реальным, – это попытки взаимодействующих индивидов убедить друг друга в том, что имеется порядок в специфических социальных обстоятельствах и в более широком «обществе». То, что «действительно реально», таким образом, – это методы, используемые людьми при построении, поддержании и изменении друг у друга смысла порядка безотносительно к содержанию и субстанции их формулировок» [4. С. 430]. Герменевтические модели основываются на допущении о когнитивном характере реальности. Реальность здесь понимается как организация структур человеческого опыта. Неклассическая методология апеллирует не только к аналитическим категориям и абстракциям, но и к перцептивным образам, смысловым горизонтам, проектам и переживаниям. Так, например,

предметом социальной феноменологии является процесс идеального конструирования объектов как смысловых образований.

Когнитивное моделирование – создание различных когнитивных структур, направленных на достижение разных целей исследования: как *объяснения* существующих или существовавших явлений, так и *конструирования* возможных состояний исследуемого объекта. В структуре когнитивного моделирования присутствует не только теоретико-познавательная процедура, но и социально-управленческая: «тип явления» интересует исследователя не сам по себе, а в связи с возможностями его реконструкции или ослабления тех свойств, которые считаются нежелательными. В этом плане типизации всегда содержат аксиологическую составляющую, проявляющуюся в ориентации, хотя и не всегда явной, на благо, пользу, ценность и смысл. Об этом начинал говорить уже М. Вебер, создавая своё учение о типизациях. Когнитивный подход позволяет различать когнитивные конструкции различного происхождения: психосенсорного, рационально-сциентистского, эмоционально-образного, ценностно-смыслового, прагматико-технологического, коммуникативно-интерпретативного. Когнитивный подход обращает внимание на социо-инженерный компонент знания – понимание когниции как конструкции, помогающей решать актуальные и ситуативные задачи. Это обстоятельство существенно в плане методологической рефлексии о моделях городского развития, поскольку когнитивные науки (когнитивная психология, когнитивная социология, когнитивная антропология, когнитивная лингвистика и др.) показывают множество структур организации знаний, а значит, вариантов и механизмов изменения реальности, наряду с традиционным сциентистским.

В рамках выделенных стратегий (позитивизм и герменевтика), на наш взгляд, можно различать следующие парадигмы: натурализм, структурализм, конструктивизм, феноменологию. В рамках этих парадигм были сформулированы дефиниции двенадцати моделей города. В натуралистической парадигме, или парадигме артефактов, город определяется как искусственно созданная среда обитания, система технических артефактов. В рамках структуралистской парадигмы мы выделяем следующие системные модели города: город как социотехническая система; город как функционально структурированное пространство – система зон жизнедеятельности и город как семиотическая система – текст. В рамках конструктивизма оформляются модели проективного типа. По когнитивной форме проекты можно подразделить на два типа: утопические и рационалистические. В утопическом варианте конструктивизма город представлен такими моделями, как мифологический конструкт и как идеологический проект. В рационалистическом варианте город представлен следующими моделями: город как сциентистский проект и социоинженерная конструкция, ценностно-рациональный проект, социокультурный проект, виртуальный (имиджевый) проект. В рамках феноменологической парадигмы просматриваются две дефиниционные модели: город как композиция жизненных миров горожан или динамическая система топов и город как синергетическая (аутопойетическая) система.

Концептуальные модели, аспекты развития и проблемы управления городом

1. Город как ремесленное изделие, система технических артефактов. В рамках этой концепции город понимается как искусственно созданная среда обитания, «вторая природа». Отношение к городу как к вещи, сработанной мастером, производит градоохранительную деятельность: хранение, ремонт и реставрацию в соответствии с первоначальным видом. Основная проблема, которая здесь обсуждается, – сохранения культурно-исторического наследия городской среды. Эта проблематика наиболее часто артикулируется в контексте административного управления. Однако отношение человека к историко-культурной среде гораздо сложнее схемы сохранения/преобразование и представляет собой диалектику преемства и наследования, суть которой – удержание элементов прошлого как условие осмысленного отношения к настоящему и как ресурс смыслополагания в будущем. Если преемство есть простое владение и сохранение традиций, то наследование – осмысленное, творческое включение усвоенного в структуру инновационной деятельности по преобразованию среды обитания.

2. Город как социотехническая система; социальный агрегат для удовлетворения витальных потребностей. Социотехнический подход представляет город как сложно устроенную машину, обеспечивающую витальные аспекты жизнедеятельности. Концептуально эта дефиниция представлена в понятии Мегамшины Л. Мэмфорда. Город – пространственная форма существования Мегамшины постольку, поскольку жизнь в городе построена на принципе функционального разделения труда и функционального зонирования территории. Важными характеристиками как Мегамшины, так и городского социума является объединение в единую систему мелких общин, централизованное авторитарное управление, устранение культурно-мировоззренческих различий и появление унифицированного, космополитического, рационалистического, в перспективе – сциентистского взгляда на мир [5]. В рамках этой модели городская жизнь представляется в виде системы целерациональных и прагматических действий, направленных на реализацию витальных аспектов жизнедеятельности, а управление понимается как административное регулирование материально-техническими ресурсами экономического развития. Представление о городе как социотехнической конструкции ориентирует управленческую деятельность на организацию технологических связей между функциональными элементами – институциональными подсистемами: техническая, демографическая, транспортная, образовательная, досугово-рекреационная, здравоохранительная и т.п. Проблема управления городом видится как создание некоторой кибернетической схемы автоматического регулирования функциональными параметрами системы по производству какого-либо продукта. Такой подход представлен в работе Дж. Форрестера [6]. Однако главный результат его работы, на наш взгляд, заключался в том, что он пришёл к выводу о невозможности однозначного прогнозирования городского развития на основании модели, основными факторами которой являются технические и социально-экономические (в том числе демографические) параметры. Город является сложной, нелиней-

ной и саморазвивающейся системой, изменение которой невозможно прогнозировать на основании имеющегося опыта и методом простой экстраполяции существующих тенденций [7]. Фрагментация пространства городской жизни на институциональные подсистемы не позволяет увидеть город как целостность, как уникальную социокультурную систему. В рамках данной парадигмы, по существу, невозможно даже обсуждать проблему эмерджентных свойств города как системы – характеристик городской среды, не сводимых к совокупности объективных параметров относительно однородных социальных систем: территориальных, экономических, политических и т.п. Методологической основой этой практики являются принципы позитивизма и, прежде всего, функционалистский тип объяснения – истолкование социального действия, общественного феномена или института с точки зрения его функционального предназначения (полезности) для общества в целом. Однако свести разнообразие городской жизни к инвариантному набору элементов и функций – значит отказаться от поиска разнообразных, а зачастую и уникальных вариантов проектов развития конкретных городов, обладающих эмерджентным системным качеством.

3. *Город как функционально структурированное пространство – система зон жизнедеятельности.* Городское пространство здесь понимается как пространство расположения артефактов и тел. Первоначально такое моделирование городского пространства возникло в рамках Чикагской школы и было представлено моделями концентрических зон Э. Берджесса, секторальной моделью Х. Хойта, многоячеистой моделью К. Харриса [8]. В этой модели города-предприятия отдельные зоны городской территории понимаются как функциональные элементы города. Методологические предпосылки, заложенные в таком видении города, имеют реальное воплощение в облике советских/российских городов. Влияние такого парадигмального дискурса на реальную урбанистическую политику обеспечивалось общими принципами централизованного планирования. Тезис о том, что функционально структурированное пространство воспроизводит социально-производственные отношения, является машиной по производству прибавочной стоимости, механизмом «урбанизации капитала» (А. Лефевр), был характерен для западных марксистов 1960–70-х гг. Наиболее яркая фигура этого направления – французский социолог А. Лефевр. Однако он же явился одним из первых критиков функционалистского подхода к городской среде. Он, в частности, писал: «Городские ансамбли, особенно самые большие, демонстрируют в действии аналитическую мысль (или, если угодно, чисто аналитический разум), доведенную до крайних пределов ... Вопрос сейчас в том, не пришло ли время поставить под сомнение преобладание аналитической мысли» [9]. Сомнение в релевантности восприятия реальности аналитическим разумом возникает в связи с тем, что пространство вообще, городское особенно, воспринимается всегда как культурно-символическое пространство – пространство значимых предметов. Уже Г. Зиммель, отмечая рационализм и прагматизм жизни большого города, утверждал, что пространство города – это пространство социально-смысловых отношений и конвенциональных норм [10]. Культурная география подняла тему культурного ландшафта – территории со встро-

енными в него смыслами. Результаты исследований восприятия городской среды показали, что городская среда оценивается горожанами не только с функциональных позиций, но и воспринимается и интерпретируется различными группами горожан в зависимости от ценностно-мировоззренческих особенностей их сознания и их жизненных интересов [11, 12, 13]. Функционалистское представление о структуре города сталкивается с другой реальностью – отсутствием однозначной территориальной локализации как видов деятельности, так и компактного проживания гомогенных статусных групп. Статистическая картина социально-статусной структуры города, «дополненная» перечислением и описанием институциональных механизмов организации различных видов деятельности, мало что даёт для изучения и прогнозирования процессов, происходящих в городах, – как миграционной динамики, так и функциональной динамики районов города и городов в целом: одни социальные функции появляются, другие – исчезают, меняется «удельный вес» отдельных социальных функций на конкретных территориях и в конкретных городах. Поэтому карта функциональных зон города отражает, так сказать, одномоментную ситуацию и не способна выразить намечающиеся тенденции изменений как социоструктурного плана – в потребностях и интересах статусных групп, так и социо-территориального плана – в социальном составе населения конкретных районов города. Сменившая натурализм структурно-функциональная парадигма также показала свою недостаточность. Методологическая ограниченность структурно-функциональной парадигмы стала очевидна по мере развития новых тенденций урбанизации: рост социального неравенства и сегрегации в городах; возрастание значимости символического ресурса субъектов городской жизни как фактора территориальной и пространственной мобильности; возрастание значимости престижа места как фактора формирования социально-пространственной структуры города. Эти тенденции урбанизации базируются, в свою очередь, на изменении онтологических характеристик современного общества: увеличение доли информационно-интеллектуального компонента в функциональном разделении труда; усиление значимости символического капитала, наряду с традиционными: финансовым, властным, предметно-материальным; ослабление связи между местом проживания и местом работы, местом производства и местом управления этим производством; увеличение мобильности и конвертируемости всех видов ресурсов жизнедеятельности. Привлекательность территории определяется не только развитием инфраструктуры, строительством жилья, уровнем доходов, но и представлениями людей о возможностях личностного роста и социально-психологического комфорта, степенью личной безопасности и др. «В связи с постоянно происходящими изменениями актуально говорить о смещении в восприятии горожанами пространства, что, в конечном счете, определяет, чем является и какое значение имеет для жителей города то пространство, в котором они живут, работают, учатся, проводят досуг. Как любой элемент, повседневно присутствующий в жизни человека, более того, как контекст обыденной деятельности во всех её проявлениях, пространство с теми смысловыми нагрузками, которое оно имеет для человека, влияет на его мировосприятие и самоопределе-

ние в этом мире» [14. С. 329]. В рамках функционалистской модели управление развитием города понимается, хотя и не всегда явно, как регулирование материальными (в том числе и финансовыми) потоками и ресурсами. Вся жизнь города ориентирована на повышение эффективности производства. Например, в работе В.И. Ресина и Ю.С. Попкова показывается, как структура города формируется посредством распределения материальных объектов, взаимосвязи между которыми и представляют собой функциональную структуру города [15]. И до сих пор в отечественной урбанистике преобладает функционалистская парадигма с её методологией, основанной на понятии «градообразующих факторов». Однако появилась и развивается мысль, что для развития городского пространства, личности горожан и их инновационной потенции необходимо «выйти за пределы функционалистской парадигмы как таковой и начать рассматривать город не как образование, производное от каких бы то ни было функций, а как образование самоценное, как достояние национальной или мировой истории и культуры, как достояние всех живущих, живших и будущих жить в нем людей» [16]. В рамках критики функционалистского подхода артикулируется новая проблема управления развитием города – механизмы инновационного развития городской среды как среды экзистенциального обитания, а не только витального существования. В такой теоретической перспективе исчезает инвариантная структурно-функциональная система города, и он предстаёт как система знаков – текст, по-разному прочитываемый горожанами, как процесс интерпретации и конструирования смыслов.

4. Город как семиотическая система – текст. Когда на первый план городской жизни выходит проблема инновационного развития, то городская проблематика становится проблематикой коммуникативного пространства города. Актуальным вопросом текстуальной реальности города, поставленным в рамках семиотического анализа, является вопрос о соотношении «идеи города», т.е. его символического содержания, и представлений о городе городского сообщества, а в методологической перспективе – отдельных агентов городской жизни. В процессе осознания взаимозависимости между образом города как проектом его развития и жизненными планами городских сообществ происходит переход от парадигмы социотехнического проектирования – «люди для города», к парадигме социокультурного проектирования – «город для людей». В структуре социальной идентификации человека постмодернистского общества – жителя мегаполиса, по мере возрастания социальной мобильности и многомерности его связей с гетерогенными субъектами социальной коммуникации в условиях мультикультурализма больших городов, по мере ослабления одномерно-функциональной заданности ролевого ансамбля поведения увеличивается роль символической референции и самопрезентации. Появляются новые типы идентификаций, возникающие не на основе дескриптивных статусов, а на основе символического конструирования реальности и проектирования образа жизни. «Люди все чаще организуют свои смыслы не вокруг того, что они делают, но на основе того, кем они являются, или своих представлений о том, кем они являются» [17. С. 27]. Управление городской жизнью также должно основываться на

познании коммуникативных процессов. Для этого необходимо обратить внимание на то, что город – это «образ города», различный для разных акторов – символических агентов городской жизни. Представляется, что можно различать два уровня текстов: текст всей среды города в слитности территориального (культурный ландшафт) и пространственного (события духовной жизни) аспектов – семантика городской среды, смысловое звучание мест, «дух города» и его «настроение»; тексты городских сообществ. Разные городские сообщества говорят на разных языках. Таким образом, в зависимости от акцентуации структурного или процессуального модусов существования текст определяется двояко. Во-первых, текст как система высказываний – семиотическая (знаково-символическая) модель мотивированной активности, «застывший смысл», который существует в двух видах: город как система семантических структур – знаковых образов городской среды и город как система социолингвистических структур – языковых сообществ. Во-вторых, текст как смыслопорождающая структура – текстовая деятельность, деятельность по созданию знаковых структур – смыслопорождающая деятельность, которая существует в виде диалогов и дискурсивных практик городских сообществ. «...Думаем, что к осознанию миссии и выработке стратегии города можно прийти только путем организации коммуникации, так как и миссия, и стратегия есть производные от понимания места и его истории или исторической ситуации, мировых глобальных тенденций, касающихся развития устройства самого города, возможностей работать с ресурсами своего развития» [18]. В процессе коммуникации возникает intersubъективное знание – социальное (групповое) определение ситуации – социальная когниция или когнитивная модель ситуации. Социальная когниция представляет собой схематизацию социальных знаний о мире – социальный текст, позволяющий индивидам ориентироваться в нём и строить совместные модели поведения как способы реагирования на изменение ситуации. Собственно говоря, совместная деятельность людей возможна лишь в том случае, если они обладают некой системой общих суждений о мире и принимают общие схемы поведения. Семиотическая модель города является, на наш взгляд, переходной формой моделирования от структурализма к конструктивизму. Структуралисты показали, что значение не «природно» и не константно, а социально и контекстуально-ситуативно. Постструктуралисты пошли дальше и представили текст как развивающуюся систему интерпретационных рядов. Целью структурного анализа текста является обнаружение культурных кодов, лежащих в основе социального поведения и взаимодействия, в частности, городских сообществ. Целью постструктуралистского (постмодернистского) текстового анализа является поиск механизмов и источников смыслополагания социального действия, без понимания которого также невозможно обойтись, изучая жизнь и поведение горожан. Знание «образа города» и интенций различных городских сообществ становится неременным условием мотивационного и интенционального управления как сознанием и поведением акторов городской жизни, так и символично-коммуникативными процессами в городах. Текст города как вторичная знаковая система, надстраиваемая над реальностью, имеет различную структуру и формы, в том

числе мифологическую. Под мифом мы понимаем систему представлений, задающих смысловое пространство, в котором протекает процесс жизнедеятельности. Учёт этих представлений является непременным условием принятия релевантных и эффективных управленческих решений [19]. Кроме того, конструкты стратегического развития города (бренд, аттрактор, миссия) в какой-то степени всегда миф, т.е. одновременно интерпретация прошлого и проект будущего.

5. *Город как мифологический конструкт.* Мифология города выражена образами городской среды, обладающими символическим значением, т.е. содержащими программу социокультурного развития и смыслы человеческой экзистенции. Миф выполняет свою проективную функцию благодаря сдвигу значений артефактов, наполнение их новым символическим содержанием. Миф выступает матрицей изменения способов видения реальности, специфической семиотической оптикой, позволяющей увидеть контуры ещё не существующего или существующего как грёзы, как мечта, как утопический проект. Однако миф не «работает», если нет субъекта, раскодирующего и принимающего его символическое значение. Если миф – своеобразный текст, то при его конструировании на первое место выходят проблемы изучения аудитории: чем точнее «портрет» адресата, тем эффективнее «работает» миф. Главная проблема проективного потенциала мифа как инструмента управления развитием – его включенность в коммуникативные процессы между городскими сообществами.

6. *Город как идеологический проект социальных отношений.* Идеология как взгляд на реальность есть проект определённых социальных групп, которые стремятся реализовать свои идеалы, в том числе и через организацию морфологической структуры города. В основе идеологии градостроения всегда лежат определённые ценностно-мировоззренческие принципы и представления об идеальном обществе, экспликация которых необходима для адекватного понимания действительных, часто не до конца осознанных целей и результатов реорганизации городской среды. Одним из наиболее ярко выраженных вариантов влияния идеологии на градостроение явился советский город. Собственно, идеологическое содержание градостроительства трансформировалось в технократическую политику государства, приоритетами которой были интересы производства, а не людей. «Пожалуй, именно здесь следует искать истоки безликости большинства советских городов...» [20. С. 92]. Современный российский город стал объектом идеолого-рыночного конъюнктурного манипулирования. Переход от одной идеолого-мировоззренческой концепции проектирования города к другой в практике градостроительства и градостроительства сопровождается деструктивно-разрушительными процессами и поэтому нуждается в социокультурной экспертизе, основанной на методологии социокультурной экологии. «В условиях распространения частных частных практик на общественную публичную действительность социальная жизнь в городе теряет свою открытость и определенность. Она распадается на не связанные между собой автономные замкнутые образования, каждое из которых живет по собственным правилам» [21. С. 104]. Столкновение идеологом с реальностью приводит к час-

тичной их реализации в непредсказуемых и малоперспективных формах, а для городской среды это оборачивается деградацией её культурно-символического потенциала, а значит, и ресурсов инновационного развития.

7. *Город как сциентистский (модернистский) проект и инженерная конструкция.* Зиммель связывает «характер города» с духом эпохи модерн, сущностными чертами которой являлся рациональный расчёт и «атрофия индивидуальной культуры, вследствие гипертрофии объективной» [10. С. 34]. «Идеей» индустриального города, идеологией модернизма являются идеалы рациональности и оптимальности как таковой. Но в том-то и проблема, что эти идеалы могут наполняться разным содержанием, т.е. иметь разную интерпретацию. Социокультурная амбивалентность модернистской организации городской жизни заключается в том, что наряду с возрастанием технического могущества и материального комфорта, социотехническая система города как Мегамашина является базой авторитарного управления и подавления творческих инициатив. Мэмфорд предлагает, во избежание диспропорции социально-культурного развития, параллельно совершенствовать систему общественного самоуправления и создавать условия для развития творческих организаций. Развитие техники, по его мнению, следует направлять для усиления того аспекта человеческого бытия, который Мэмфорд называет «личным», но не в направлении сужения человеческой жизни рамками власти и силы. Историческое развитие города, по его мнению, содержит обе тенденции [22. С. 31–32].

8. *Город как ценностно-рациональный проект.* М. Вебер свои рассуждения о городе начинает с мысли о том, что город является не просто формой поселения, а социокультурным феноменом, т.е. явлением, возникшим под воздействием культурно-мировоззренческих, ценностных обстоятельств. Город для Вебера – это, прежде всего, особый образ жизни, а образ жизни обусловлен, прежде всего, ценностно-мировоззренческими интенциями людей [23]. Возникновение и быстрое распространение городского образа жизни означало зарождение и развитие сциентистски-рациональной и инновационной культуры, шедшей на смену традиционно-чувственной. «Поэтому-то город и стал родиной *ratio*, местом, где начали не просто жить, но систематически рационально размышлять о жизни. Город производит смыслы, как деревня – пищу; в социуме город исполняет функции сущего, как деревня – функции бытия» [24. С. 5–6]. Основная проблема, которую поднял М. Вебер – культурный потенциал города как основание и ресурс его инновационного развития. Эта модель позволяет соотнести политику городского планирования с пониманием городского пространства как пространства символической интеграции идентичностей городских сообществ, как коммуникативное пространство поиска и развития ценностно-смысловых ориентиров развития. Эта модель позволяет проектировать креативные платформы для согласования экономических и социальных целей развития города как единого и уникального организма, платформы социального участия и партнёрства для повышения качества жизни [25]. Веберовское понимание города согласуется с взглядами на город Р. Парка, который назвал город социальной лабораторией. «Ибо город и городская среда представляют собой наиболее последова-

тельную и в целом наиболее успешную попытку человека преобразовать мир, в котором он живет, в наибольшем соответствии со своими сокровенными желаниями» [26].

9. *Город как социокультурный проект.* Парк, как и Вебер, полагал, что институты и социальные структуры любого вида могут рассматриваться как результаты коллективного действия. «А согласие представляет собой не биологические адаптации, но социальные аккомодации» [27]. Понимая город как живой организм, Парк не редуцирует понимание городской жизни к биотическому уровню и борьбе за существование. Смысловые коннотации организма у него противопоставляются техническим коннотациям города как артефакта. Но вместе с тем город есть конструкция. «Он не естественен и не священен, но прагматичен и экспериментален» [26]. Развитие города понимается здесь как конструирование благоприятной среды обитания для саморазвития как символических сообществ, так и отдельной личности. Собственно, предметом моделирования становится жизненное пространство-время или среда обитания, которая стала рассматриваться и как фактор поведения горожан, и как результат жизнедеятельности городских сообществ. Поведение горожан следует понимать как результат интерпретации ситуации. Изменение поведения производно от нового определения ситуации, в соответствии с «теоремой Томаса». Предметная среда города обладает высоким уровнем символичности: в ней закодированы программы поведения. Материальное пространство города превращается в овеществлённые атрибуты сообществ. Городская среда – социокультурная экология горожанина, и разрушение её приводит к деформации личности и наоборот. Артефакты, опредмеченные воспоминания и ценностно-эмоциональное отношение к тем и другим – это статическая сторона городской среды. Городская среда динамична, изменчива. В ней всегда присутствуют элементы новой жизни: новые способы взаимоотношений и новые смыслы. Управление городской жизнью также должно основываться на познании коммуникативных процессов. Экология городской жизни – это коммуникативная экология, и её проблемой является гуманизация среды обитания, что означает создание условий для осмысленного и комфортного проживания не только в витальном плане, но и, прежде всего, в экзистенциальном: в плане личностной самореализации горожан и саморазвития городских сообществ, что является базовым социальным условием синергетики города. Задача проектирования городской среды и образа жизни включает в себя конструирование образа города как семантического средства решения коммуникативной задачи – экспликации смыслов и перспектив совместного сосуществования. Конструирование образов городов как создание новых социокультурных проектов – задача одновременно научно-инженерная и ценностно-мировоззренческая, поскольку проектирование среды обитания – это проектирование образа жизни и типа личности. Социокультурное проектирование направлено на создание в процессе коммуникации общего для проживающих вместе образа будущего как проекта желаемого и приемлемого состояния жизни. Социокультурный проект – не научно-рациональная конструкция некоторого оптимального состояния с точки зрения экспертов, а рационализация мечты о лучшей жизни,

размышление о том, как с помощью других людей воплотить её в жизнь. Социокультурный проект – проект совместной жизни.

10. Город как виртуальный проект. Город как идеальный конструкт и социокультурный проект содержит черты не только реального города, но и воображаемого города. «Город существует благодаря сфере воображаемого, которая в нем рождается и в него возвращается, той самой сфере, которая городом питается и которая его питает, которая им призывается к жизни и которая дает ему новую жизнь» [28]. Город как конструкт – это идея города, которая, конечно, может быть разной. «Виртуальные реальности города – это культурно-символические реальности, которые не имеют жестко заданной связи со своим материальным референтом. Виртуальная реальность является социально производимой, сконструированной реальностью: по сути, она создается людьми в ходе символического взаимодействия» [29]. Социальная реальность возможна только как intersubjective реальность. Событие как конститутивный акт реальности есть суждение, разделяемое другими. Реальность, данная нам в совместности, возникает как акт коммуникации: «Он и я, т.е. мы, – до тех пор, пока длится процесс – разделяем общее живое настоящее, наше живое настоящее, позволяющее и ему, и мне сказать: *«Мы пережили это событие вместе»*. Благодаря установившемуся таким образом Мы-отношению мы оба – он, обращающийся ко мне, и я, внимающий ему, – живем в нашем общем живом настоящем, направленные на мысль, которая должна быть воплощена в процессе коммуникации и посредством процесса коммуникации» [30. С. 413–414]. В процессе коммуникации городских сообществ виртуальная реальность города возникает как intersubjective проект совместной жизни. Проблема появляется тогда, когда виртуальные образы города (в том числе и в СМИ) утрачивают связь с реальными ожиданиями горожан и превращаются в симулякры (Ж. Бодрийяр) – образы отсутствующей действительности, стирающие различия между реальным и воображаемым. Появляется опасность таких мифов, которые не столько способствуют конструированию новых миров, сколько создают иллюзорную реальность, например, иллюзию потребления как формы жизни.

11. Город как композиция жизненных миров горожан или динамическая система топосов. Структурными элементами городской среды являются не отдельно территория, пространство и человек, а их качественное синкретическое единство – система городских порядков или топосов. Топосы существуют как постоянная инверсия территории и пространства, отношений и смыслов, статусов и символов. Физическое пространство приобретает символическую референцию, символическое пространство опредмечивается в форме архитектоники города. Так формируется городская среда [31]. Каждый город представляет собой некоторую конфигурацию различных жизненных миров, что и делает каждый город качественно индивидуальным образованием, но при этом системой, состоящей из конечного набора инвариантных элементов – топосов городской жизни, различные конфигурации которых и образуют различные порядки разных городов. Топос – качественная определенность территории и пространства, достигаемая за счет присутствия человека. Примером может служить публичное пространство города. Топо-

логическое моделирование городской жизни содержит три аналитические процедуры: выявление качественно разнородных жизненных сред и, соответственно, образов жизни различных городских сообществ; определение степени представленности каждого топоса в жизни всего населения города, что позволяет определить тип города – через доминирующий тип отношений, характер интенции, структуру ментальности – ментального образа города – как целостного, так и образа города отдельных сообществ; описание механизмов синергетики каждого отдельного топоса, тенденции аттрактора города: направления формирования представлений о миссии города в сознании горожан. Лейтмотивом городских исследований здесь является вопрос: как устроено жизненное пространство жителей конкретного города и как его оптимально обустроить.

12. Город как синергетическая (аутопойетическая) система. Саморазвитие города можно понять, если допустить, что структура системы «город» состоит не из инвариантных элементов – статусных групп, а представляет собой в каждом случае конкретных городов ансамбль городских сообществ, различающихся своей символической структурой и образом жизни. Организация города состоит не только из формальных организационно-управленческих институтов, но также представлена самоорганизационными составляющими, действующими параллельно официальной организации, усиливая или ослабляя её. Именно выявление и анализ механизмов самоорганизации городских сообществ, а также механизмов взаимоперехода формальной и неформальной организаций города и составляет предмет синергетики города. Разнообразие городской среды – главная причина привлекательности города как для проживания, так и для размещения ресурсов развития: финансовых, технологических, политических. Основой разнообразия городской жизни в целом является насыщенность городского пространства отношений коммуникативными практиками городских сообществ. В коммуникативном пространстве города происходит взаимообмен символическими ресурсами (ценностями, смыслами, стратегическими целями) между городскими сообществами, что приводит к появлению новых форм организации жизнедеятельности города – диссипативным структурам городской жизни: более дифференцированным и информативно ёмким, способным к большему разнообразию проявлений. Город не подчиняется рациональному планированию. Во-первых, существует структурно-территориальное дублирование функций (например, районные рынки). Во-вторых, районы города асинхронны в своём функционировании и изменениях. В-третьих, «место» имеет свою имманентную логику жизни в силу своей истории и социокультурной специфики населения. В целом, можно сказать, что город живёт своей жизнью, порой «отвергая» решения и планы управленческих структур. Город есть феномен, а не только структурно-функциональная система. Всё актуальнее становится проблема развития инновационных механизмов в направлении синергичной коммуникации городских сообществ.

Общим выводом, вытекающим из теоретико-методологического анализа моделирования города, является то, что резервы познаваемости городской жизни находятся в области изучения механизмов взаимоперехода объектив-

ных и субъективных компонентов городской жизни. Изучение этой области предполагает «переопределение теории» с объектно-субъектных отношений – на процессы саморазвития и самоорганизации города и городских сообществ, актуализирует интеграционно-коммуникативные проблемы взаимодействия всех субъектов городской жизни. В то же время демаркация эпистемологических кругов различных теоретических традиций (составление парадигмальной карты городских исследований) может способствовать эффективному выбору адекватных методологических средств анализа и оптимизации управленческого воздействия на различные по своей природе явления городской жизни. Построение моделей различного типа позволяет аналитически устраняться от информации, которая не релевантна цели создания конкретной модели, и тем самым фокусировать внимание на определённых аспектах и модусах существования города в сознании исследователя. Это в дальнейшем даёт возможность организовать (классифицировать) типически однородный эмпирический материал, а также осознать и сформулировать какую-либо одну или несколько проблем городской жизни, временно «отключившись» от других. Наиболее актуальными и вместе с тем предполагающими использование принципиально различных методологических средств, на наш взгляд, следует назвать следующие проблемы изучения городской жизни: диалектика преемства и наследования культурно-исторического потенциала города; совершенствование коммуникативных механизмов инновационного развития городской среды; гуманизация среды обитания через разработку и проведение социокультурной экспертизы градостроительных проектов; совершенствование механизмов саморазвития городских сообществ как условия синергетики (саморазвития) города; определение режимов самореализации имеющегося инновационного потенциала конкретных городов.

Литература

1. Глазичев В.Л. Средовый подход в развитии города [Электронный ресурс] // В. Л. Глазичев. Избранные лекции по муниципальной политике // Сайт В. Л. Глазичева. – Лекция 4. – Электрон. дан. – URL: http://www.glazichev.ru/courses/mp/mp_04.htm (дата обращения: 21.08.2010).
2. Волков В.Е. Осмысленность города [Электронный ресурс] // Кентавр: сетевой журнал. – Электрон. дан. – URL: <http://www.circleplus.ru/content/summa/26> (дата обращения: 06.04.2010).
3. Девятко И.Ф. Модели объяснения и логика социологического исследования. М., 1996. 174 с.
4. Тернер Дж. Структура социологической теории: пер. с англ. / Общ. ред. Г.В. Осипова. М.: Прогресс, 1985. 470 с.
5. Мэмфорд Л. Техника и природа человека // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 225–239.
6. Форрестер Дж. Динамика развития города. М.: Прогресс, 1974. 285 с.
7. Форрестер Дж. Мировая динамика. М.: Наука, 1978. 167 с.
8. Вагин В.В. Социология города [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер – социология. – Электрон. дан. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Vagin/07.php (дата обращения: 12.04.2010).
9. Лефевр А. Идеи для концепции нового урбанизма: пер. с фр. [Электронный ресурс] / А. Лефевр; пер. С. А. Эфирова // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 1–8. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://club.fom.ru/books/doc1607071034.pdf> (дата обращения: 12.04.2010).

10. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос: журнал по философии и прагматике культуры. 2002. № 3–4. С. 23–34.
11. Портнов Б.А. Городская среда: феномен престижности // Социологические исследования. 1991. № 1. С. 69–74.
12. Трушина Л.Е. Образ города и городской среды // Виртуальное пространство культуры: материалы науч. конф. 11–13 апр. 2000 г. СПб.: С.-Петербург. филос. об-во, 2000. С. 97–99.
13. Трущенко О.Е. Престиж Центра: Городская социальная сегрегация в Москве. М.: Socio-Logos, 1995. 112 с.
14. Чернявская О.С. Социальное пространство: обзор теоретических интерпретаций // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социология. Психология. Философия. 2008. № 5. С. 329–335.
15. Ресин В.И. Развитие больших городов в условиях переходной экономики (системный подход). М.: Эдиториал УРСС, 2000. 328 с.
16. Генисаретский О.И. Средовое проектирование и проектная культура [Электронный ресурс] // Antropolog.ru: электронный альманах о человеке. [Электрон. дан.] – URL: <http://www.antropolog.ru/doc/persons/genis/olgen2> (дата обращения: 25.05.2010).
17. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 607 с.
18. Никитин В.А., Никитина Е.И. Принцип города: организационное предприятие [Электронный ресурс] [Электрон. дан.] – URL: <http://circle.ru/personalia/nikitin/pg.html> (дата обращения: 12.04.2010).
19. Рожков С.А. Оценка руководителями административно-территориальных образований активности и значимости компонентов культурного мифа города (Психологический аспект): Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.03: Тверь, 2002. 123 с.
20. Сенявский А.С. Российская урбанизация: некоторые историко-методологические проблемы // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М.: Наука, 1999. С. 153–163.
21. Лейбович О.Л., Кабацков Н., Пушкова Н.В. Большой город в постсоветском пространстве // Мир России. 2004. № 1. С. 91–105.
22. Митчем К. Что такое философия техники? М.: Аспект Пресс, 1995. 149 с.
23. Вебер М. Город // М. Вебер. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. С. 309–446.
24. Шипилов А.В. Смысл города и город-смысл // Человек. 2006. № 1. С. 5–18.
25. Викери Дж. Возрождение городских пространств посредством культурных проектов – синтез социальной, культурной и городской политики // Визуальная антропология: городские карты памяти. М.: 000 «Вариант», ЦСПГИ, 2009. С. 205–234.
26. Парк Р. Город как социальная лаборатория [Электронный ресурс] // Социологические прогулки. – Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://www.urban-club.ru/?p=50> (дата обращения: 30.04.2010).
27. Парк Р. Экология человека [Электронный ресурс] // Теоретическая социология: Антология: пер. с англ., фр., нем., ит.: в 2 ч. / Сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. М.: Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 1. С. 171–183. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://narod.yandex.ru/100.xhtml?janex.narod.ru/Shade/socio/TeorS1.rar> (дата обращения: 29.03.2010).
28. Оже М. От города воображаемого к городу-фантазии [Электронный ресурс] // Художественный журнал. № 24. [Электрон. дан.] – URL: <http://www.guelman.ru/xz/362/xx24/x2402.htm> (дата обращения: 15.06.2010).
29. Харламов Н. Виртуальные города: большой город в эпоху технической воспроизводимости [Электронный ресурс] // Визуальный анализ виртуальной реальности. [Электрон. дан.] – URL: http://vorona.hse.ru/sites/second_level/rf/UU2007IOP/Pokrovsky/Publ.02-Pokrovsky.pdf (дата обращения: 15.09.2010).
30. Шюц А. О множественных реальностях // А. Шюц. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 401–455.
31. Пирогов С.В. Топология городской жизни // Вестник Томского гос. ун-та. 2010. № 333, апрель. С. 44–46.